

за дедитициями этого готского военачальника правительство не желало признавать федератский статус.

³¹ Козлов А. С. Основные черты... С. 27.

³² Там же.

³³ См.: Jones A. H. M. Op. cit. Vol. 2. P. 775—777; Demandt A. Der spät-römische Militäradel // Chiron. 1980. X. S. 609—636.

³⁴ См.: Bury J. B. History of the Later Roman Empire. N.Y., 1958. Vol. 1. P. 132.

А. С. КОЗЛОВ
Уральский университет

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ХРОНИКИ ВИКТОРА ТУННУНСКОГО

Можно считать преодоленным представление о раннесредневековой хронистике как о жанре, фиксирующем упадок историографии¹ в период, переходный к феодализму. Все большее значение приобретают взгляды, отмечающие в хрониках IV—VII вв. черты закономерного поиска новых методов подбора и изложения исторического материала, поиска, базирующегося на ведущих в то время мировоззренческих комплексах и ориентированного на широкого читателя². При этом, естественно, внимание прежде всего обращается на относительно объемные сочинения, оказавшие заметное влияние на последующее развитие средневековой историографии (Евсевий, Иероним, Григорий Турский, Малала, Исидор Севильский и др.). Авторы, создавшие труды не столь крупные, редко привлекаемые более поздними хронистами, нечасто бывают объектом исследования и в настоящее время. Но, несмотря на внешнюю неказистость, их хроники тоже не механическая компиляция, не набор погодно фиксируемых фактов, понравившихся авторам по каким-то личным соображениям. Малые хроники ценны не только сведениями, дополняющими данные других источников. Большинство таких хроник характером своего генезиса и формами функционирования, с одной стороны, отражают определенные грани изживающего себя социального и культурного бытия поздней античности, а с другой, — являются памятниками, принадлежащими к фактам яркой идейно-политической борьбы на грани античности и средневековья. Одним из таких трудов, по нашему мнению, является «Хроника» Виктора Туннунского.

Рассматривалась эта хроника только в двух аспектах: во-первых, как элемент во взаимосвязях системы средиземноморской позднеримской и раннесредневековой хронографии³, во-вторых, как средоточие фактов истории Африки, Италии и Восточного Средиземноморья V—VI вв., подтверждающих (или дополняющих) сообщения других хроник или иных по жанру источников⁴. Идейно-политическую направленность хроники — одну из показательнейших ее сторон — никто не исследовал.

Дошедшие до нас скудные сведения о Викторе содержит, пожалуй, только его сочинение. Будучи епископом одного из городов Северной Африки⁵, Виктор во второй половине 40—60-х гг. VI в. в политико-конфессиональном споре о «трех главах»⁶ занял, наряду с другими прелатами, позицию, идущую вразрез с позицией правительства Юстиниана I. За это он был отправлен в ссылку, перемещался из одного места заключения в другое, затем был доставлен в Константинополь, где и умер. О смерти Виктора в ссылке сообщает Исидор Севильский⁷. В ссылке была написана «Хроника» — единственное сохранившееся сочинение Виктора⁸.

Композиция «Хроники» формально совершенно бесхитростна. В предисловии Виктор намекает, что его труд продолжает известную «Хронику» Проспера Тирона, «который установил порядок предшествующих лет» вплоть до 444 г. К этим летам, уточняет свою позицию Виктор, «мы прибавили наши»⁹. Далее идет, казалось бы, типичная для неприязненной «монашеской» хроники VI в. схема: последовательная фиксация консульств с изложением происходящих во время них событий (исключение 446, 461, 462 и 526 гг.). После констатирования смерти Юстиниана и воцарения Юстина II Виктор в заключение своего труда подсчитывает число лет, прошедших от Адама до рождения Иисуса Христа и далее до 567 г. Добавим, что консульства фиксируются в «Хронике» до 542 г. С этого года до 563 г. включительно сочинение Виктора указывает ту или иную дату «после консульства светлейшего мужа Василия», а для периода с 564 по 567 г. — соответствующие даты правления Юстиниана¹⁰.

Изложение концентрируется преимущественно вокруг событий церковной истории, но эпизоды ее часто перебиваются иными, «светскими», внутри- и внешнеполитического характера, и реже — сведениями о природных явлениях и «чудесах», формально не имеющими между собой внутренней связи. Впрочем, принцип организации церковно-исторического материала по форме также достаточно примитивен. Хронологически могут сочленяться, например, сообщения об осуждении Македонием Константинопольским сторонников Халкидонского собора, о борьбе вокруг папского престола, о замещении выморочных кафедр в Антиохии и Иерусалиме, об антикатолических мероприятиях короля вандалов Тразамунда, о «воссянии» в правой вере епископа Фульгенция Руспенского (а. 497; ср.: Isid. Chr. 390, 391; Isid. Hist. 81)¹¹.

В подобных случаях событие хронологически длительное расчленено по различным местам сочинения, — случай в хронографии обычный. Поэтому региональной общности эпизоды, связанные одной датой, могут не иметь.

Безусловно, примыкающий к «Хронике» Проспера, а через него — к линии Евсевия, труд Виктора фиксировал исторические

события как элементы определяемого божественным помыслом поступательного движения, в котором есть начало и цель. Наличие этой универсальной высшей связи между разрозненными эпизодами истории делало ненужным в глазах хронистов словесно-логическое сочленение таких эпизодов¹². Но возникает вопрос: является ли «Хроника» Виктора просто механическим соединением эпизодов поучительных и интересных для малограмотных монахов и клириков, или принципы подбора материала для этих эпизодов отражали не только какие-то общие мировоззренческие установки, но и социальные и политические взгляды автора?¹³

Например, прямые указания на социальную стратификацию общества в «Хронике» малочисленны, хотя в фантастическом эпизоде о залаявших нечестивых александрийцах «ничтожные» противопоставлены «великим», а свободные — рабам (а. 507; ср.: Isid. Chr. 384). Народ в «Хронике» упоминается редко и в основном как опасная и ведомая какими-либо деятелями масса. Как субъект каких-то важных акций он упоминается только трижды. Так, Юстин II воцаряется «при спокойствии» народа (а. 567. 3). Примос делается епископом Карфагена вопреки желаниям клира и народа (а. 552.1). В Александрии народ избирает двух «испорченных» епископов — Феодосия и Гайяна (а. 538.2).

Отношение Виктора к социальным движениям в целом сугубо негативное. Как одно из бедствий, выпавших на долю Константинополя после нечестивых нововведений в церковный гимн «трисагион», оцениваются бунты прасинов и венетов, когда были умерщвлены многие граждане, а город — сожжен (а. 513). С одобрением констатируется истребление «злобного большинства» прасинов, затеявших в столице «гражданскую войну» и уничтоживших «многих государственных мужей» (а. 566. 2). Как закономерность фиксируется казнь препозита Амантия, возбуждавшего «мятеж в народе» (а. 519). В эпизоде о восстании Ника довольно нейтрально констатируется умерщвление солдатами в цирке «многих тысяч человек». Главный герой эпизода — Ипатий, пытавшийся достичь «тиранической власти», но захваченный и умерщвленный «вместе с Помпеем» (а. 530). Как тирания характеризуется социально окрашенное движение в Африке¹⁴ под руководством Стузы (а. 541.2; 543; 545). Виктор явно осуждает апелляцию к народу еретиков-епископов Тимофея Элура и Петра Александрийского (а. 457.3; 480).

Для Виктора характерно негативное отношение не только к социальным волнениям, но и к узурпации власти как таковой. Отрицательно характеризуется в «Хронике» Василиск, предпринявший осудить Халкидонский, а признать «разбойничий» Эфесский собор (а. 475.4). Этот «тиран» (а. 475.2, 4) и его семья претерпели «жалкое окончание жизни» (а. 476). Подобное суждение весьма показательно, так как к императору Зинону, по-

творствующему тем, кто осудил Халкидонский собор, т. е. к императору, власть которого узурпировал Василиск, Виктор относится недоброжелательно. Тираном назван и выступивший против Зинона Леонтий (а. 483), чья смерть охарактеризована как «позорнейшая» (а. 488.2). При фиксации исаврийской войны хронист отмечает умерщвление «тиранов» Афинодора и Лонгина (а. 495.1). «Тираническим способом» пытался захватить власть в Африке магистр войск Гунтарит, уничтоженный за это военачальником Артабаном (а. 546.2).

Тирания не чужда и вандальскому обществу: как тиран характеризуется Гелимер (а. 531; 533; 534.1—2), свергший и уничтоживший Хильдерика, а также убивший много знатных вандалов.

Политический переворот (даже при плохом правителе вроде Зинона), таким образом, внушает Виктору отвращение. Альтернативой светской смуте при провозглашении императора выглядят «согласие всего государства» и «спокойствие народа» (а. 450.2; 567.3). Можно предположить, что глобальное отрицание Виктором каких бы то ни было узурпаций и переворотов отражало определенную политическую слабость африканского епископата в VI в., тяготение части последнего к сильной центральной власти, в тех условиях персонифицированной в константинопольском императоре.

Надо отметить, что эпизоды, посвященные такому светскому сюжету, как тирания, тесно бывают переплетены в «Хронике» с церковной тематикой. Пример — те же реалии, связанные с Василиском. Еще показательнее в этом отношении взаимозависимость эпизодов, фиксирующих внешнеполитическое положение Римской и Византийской империи, и ткани повествования, в которую они вплетены.

Удельный вес таких эпизодов в «Хронике» невелик. Но при разборе их функций в общем контексте труда Виктора и анализе их содержания обнаруживается, что они не обладают обычной фактографичностью. Во-первых, бросается в глаза принцип подбора для «Хроники» внешнеполитических реалий: неудачи империи, успехи ее врагов, как правило, фиксируются после рассказа об успехах антикатолических внутриимперских сил или иных антипатичных Виктору социальных и политических групп. После торжества Диоскора на «разбойничьем соборе» под 449 г. фиксируется поход на Италию царя Аттилы, уже до этого побежденного и «обращенного в бегство» Аэцием, но захватившего пленников («свободных мужей») и «усыпившего» Рим «негодным договором о мире». Виктор извращает факты: Католаунская битва, победу в которой приписывали Аэцию, имела место в 451 г. «Бегство» Аттилы — тоже насилие над фактами. Важнее то, что Аттила, по Виктору, прекратил разорение империи, «даровал мир» и удалился за Дунай после посольства к нему папы Льва. Под 453 г., наоборот, фиксируются факты, со-

общающие о следовании события, положительного для империи, за событием, положительным для католиков. Первая их группа: Диоскор отправлен в ссылку, главенство над александрийской церковью принимает симпатичный Виктору Протерий. Вторая: Атила умирает, среди его сыновей усобица, «гунны приводятся в расстройство» и «уничтожаются».

Далее. После ряда эпизодов о порочных деяниях императора Анастасия и антихалкидонитов фиксируется захват царем персов Кавадом набитой сокровищами, стражей и демонами крепостцы Зундабер (причем демонов изгоняют христианские священники; а. 508). Среди эпизодов, повествующих о росте давления на Анастасия поборников Халкидонского собора, помещено сообщение о жестоких грабежах гуннов в Армении, Каппадокии, Галатии и Понте (а. 515.1), явно воспринимаемое читателем как кара за нечестивость императора.

Усложняется функционирование «внешнеполитических» эпизодов в разделе «Хроники», охватывающем правление Юстиниана. Непосредственные успехи во внешней политике этого времени увязаны с действиями полководца Велисария. Последний после двух войн с персами «удивительно превозмог третью персидскую войну» (а. 532). Отправленный Юстинианом в Африку (после посещения императора епископом Летом от лица «мученика Гунерика»), Велисарий одолевает вандалов в сражении, уничтожает братьев «тирана» Гелимера, обращает его в бегство, захватывает в плен и вместе с трофеями отправляет к Юстиниану (а. 534). •Велисарий «крепко укрощает» и обращает в бегство болгар, проникших во Фракию и чуть не дошедших до Константинополя (а. 560). Эпизод об этом помещен после ряда эмоциональных описаний преследований властями поборников «трех глав». Ему непосредственно предшествует информация об иллирийских епископах, «повергающих в тщету прежнюю веру», и о сильном опустошении Армении гуннами.

Тот же принцип изложения фактов характерен для описания войны с готами в Италии: короля Тотилу «дивно» одолевает и умерщвляет полководец Нарсес; эпизод же помещен в группе фактов, описывающих гонения на поборников «трех глав» (а. 554).

Действия Юстиниана на внешнеполитическом поприще (кроме уже отмеченной отправки им Велисария в Африку) фиксируются только один раз (а. 563.2): император принимает, щедро одаривает и отпускает послов авар. Разница в действиях полководца и императора весьма заметна. Реалии внешнеполитической истории приобретают в «Хронике» конъюнктурную форму. Поражения империи сопутствуют удачам еретиков и потворствующих им властей. Если же империя при аналогичных условиях побеждает, то в этом заслуга конкретных полководцев. Трудно с уверенностью сказать, почему Виктор из победоносных военачальников при Юстиниане выделяет именно Вели-

сария. Возможно, в «Хронике» отразилась специфическая форма одного из направлений оппозиции Юстиниану. Противопоставление мужественного полководца, вызывающего симпатии больших социальных групп, государю — покровителю нечестивцев, — достаточно распространенный прием в литературе древности и средневековья. Образ Велисария в этом отношении, как известно, весьма показателен для политической полемики времени Юстиниана¹⁵.

Анализ взглядов Виктора невозможен без учета характера, который носят в «Хронике» африканские сюжеты, т. е. прежде всего эпизоды, действие которых разворачивается на территории префектуры Африка. С последней была теснейше связана Туннунская церковь. Даже при обычном подсчете видно, что в общем числе эпизодов, на которые расчленяется «Хроника» (185), собственно африканские занимают небольшое место (35). Причем в эту группу мы включаем и эпизоды, где упоминается какой-либо африканский епископ; события же, описанные в них, могут в Африке и не происходить. Число аналогичных записей, связанных сюжетно, например, с Египтом, александрийской церковью, лишь немногим меньше (28). Преобладают в «Хронике» эпизоды, так или иначе связанные с Константинополем (до 60). Присутствие в труде Виктора реалий, сопряженных то с Италией, то с Балканским регионом, то с Сирией и т. д., придает сочинению черты так называемой всемирной хроники, а отмеченный удельный вес африканского материала только подчеркивает это обстоятельство. Добавим, что объем африканских эпизодов равен среднему объему остальных сообщений «Хроники».

Хронист уделяет определенное внимание в африканском материале светским сюжетам: из 35 отмеченных эпизодов 15 посвящены светским политическим событиям или взаимоотношениям правителей-вандалов и местной церкви. Примечательно, что в сообщениях, относящихся к Африке, в проблеме взаимоотношений светской власти и церкви превалирует материал о вандалах. Прямая связь этих сообщений с событиями в туннунском диоцезе в источнике не прослеживается. Она может конструироваться с известной долей приближения лишь через анализ описания взаимоотношений вандальских правителей и католической церкви вообще. С другой стороны, характер изображения в «Хронике» отношений между вандалами и Римом, вандалами и Византией показывает, что и как внешнеполитический фактор вандалы Виктору сугубо чужды. Впервые они появляются в «Хронике» под 455 г.: после описания «дурных дел» императора Максима фиксируются «дела похуже» — захват и ограбление Гензериком Рима (ср.: Isid. Hist. 77). Описание поражения вандалов и пленения Гелимера идет после эпизодов, подчеркивающих ужасы, имевшие место в правление этого короля (а. 534; ср.: Isid. Hist. 84; см. также: а. 531; ср.:

Isid. Hist. 82; 83; а. 533; ср.: Isid. Hist. 83). При описании закрепления византийцев в Африке «Хроника» противопоставляет римлянам «тирана» Стузу. Виктор не связывает действия Стузы с действиями вандалских правителей, но отмечает, что им «была собрана масса племен». При столкновении с ним римляне терпят поражение «вследствие прегрешений Африки» (а. 543). Успехи Стузы фиксируются после описания успехов противников Халкидонского собора (а. 541.1) и противников «трех глав» (а. 542.1). Как уже отмечалось выше, Виктор негативно относится к движению Стузы, имевшему не только антивизантийскую, но и социальную направленность. Но хронист отличает «тиранию» Стузы от «тирании» Гелимера, чья политика, по логике «Хроники», похожа на политику репрессий прежних вандалских правителей. Заметим, что оценки, применяемые Виктором при описании этих репрессий, сходны с официальной их оценкой со стороны Юстиниана (*Corpora vero, liberis notalibus claga, iugo barbarico durissime subiugabant*; CJ. I. 27. Praef.).

Аналогичные суждения о гонениях вандалов против ортодоксального африканского духовенства приводит и Прокопий (*Proc. De bello Vand. I. 7. § 3—4, 7*), отражавший в данном случае также официальную точку зрения. По Виктору, еще Гензерик был повинен в бедствиях африканских провинций, ограблениях и убийствах «христианского народа» (а. 464). Гунерих, «возбужденный арианским бешенством», энергичнее преследовал католиков, уничтожал их церкви и ссылал священников (а. 466), а затем, развернув гонения «по всей Африке», сослал «приблизительно четыре тысячи монахов и мирян» и вырвал языки исповедникам (а. 479.1). Следствием этого была его жалкая смерть (а. 479.2). Король Тразамунд, «исполненный арианского безумия», также преследует католиков, ссылает в Сардинию 120 епископов (а. 497.4; ср.: Isid. Chr. 390; Isid. Hist. 81). Смерть Тразамунда фиксируется среди фактов, позитивных для сторонников Халкидонского собора (а. 523.1; ср.: Isid. Hist. 81; ср.: а. 521; 522; 524) ¹⁶.

Перелом в отношениях с католиками намечается при Хильдерике, который, несмотря на данную Тразамунду клятву, возвращает католических священников, открывает их церкви, а Бонифация «по испрошению всего города» объявляет «неприкосновенным епископом» Карфагена (а. 523.2) ¹⁷. Гелимер же, лишив Хильдерика престола, сделался тираном. В эпизодах, посвященных его «тирании», присутствуют редкие для «Хроники» прямые данные о некоторых фактах социальной политики правителя. Гелимер «убивает Оамера Астинга и многих из знатных» (а. 531), далее «уничтожает многих знатных в провинции Африка» (а. 533), а перед столкновением с Велисарием умерщвляет Хильдерика «вместе с некоторыми свойственниками его рода» (а. 534.1). Не инкриминируя Гелимеру антикатолицизм, хронист, однако, отметил, что конфискации имущества «многих

лиц» в 535 г. были проведены королем с помощью епископа Бонифация. Оценка Гелимера как тирана, таким образом, отражается и на характеристике Бонифация. Возникает впечатление, что Виктор сочувствует определенной части знати, репрессированной королем и епископом. Отметим, что в этом случае терминология «Хроники» совпадает с терминологией новеллы Юстиниана от 535 г., где речь идет о судьбе земель, отнятых у ортодоксальной церкви в Африке «во времена тирана» (Nov. 37) ¹⁸.

Таким образом, в «Хронике» отражено в целом принятие африканским католическим епископатом реставрации римско-византийской власти ¹⁹. Но сообщения о вандалах несут не только антивандальский заряд. Прямых известий о церковной политике в Африке провинциальных византийских властей в «Хронике» нет. Бросается в глаза другое. Акцент в «вандальских эпизодах» делается либо на преследованиях королями католиков, либо на резком повороте церковной политики при Хильдерике (ср.: Isid. Chr. 395; 396; Isid. Hist. 82). С другой стороны, при отсутствии сведений о восстановлении в Африке влияния католической церкви при Юстиниане, в африканских эпизодах, относящихся к его правлению, превалируют сообщения о репрессиях в отношении прелатов — сторонников «трех глав» (а. 551.1; 552.1—2; 553.1; 554.2; 555.1—2; 556.1—2; 557.2; 563.1; 565; 567.2). При описании событий 534 г. речь идет только о победах Велисария и ни слова о Карфагенском соборе, где африканское католическое духовенство выразило радость по поводу реставрации власти императора ²⁰.

Таким образом, подборка материала в «Хронике» давала читателю возможность сравнить вандальскую и византийскую церковную политику в Африке. Но она создавала впечатление о пугающем подобии тенденций этой политики — при основном внимании к теме репрессий. В этом отношении многозначительно упоминание о погребении сторонника «трех глав» Феодора Кебарсусцитанского рядом с исповедниками, которым отрезал языки Гунерих (а. 567.2). Виктор, конечно, нигде не ставит знака равенства между репрессиями вандалов и Юстиниана, хотя последние жестоко повлияли на его судьбу. В то же время, описывая преследования африканских сторонников «трех глав», хронист в качестве инициатора репрессий выводит либо самого императора (а. 551.2; 552.2; 553.1; 565), либо некоторых местных высших духовных лиц. Из последних Виктору прежде всего антипатичен Примос, ставший епископом Карфагена «вопреки желаниям клира и народа». Осудивший «трех глав» перед своим назначением, Примос — «незаконный обладатель Карфагенской церкви», двурушник, оказывающий нажим на тех, кто отказывается одобрять его действия (а. 552.1; 554.2; 551.1; 556.1). Участие в его делах, по Виктору, равносильно осквернению (а. 554.2; 555.1). В подобном же свете выставлены Примаий из Бизацены, Фирм из Нумидии, епископы Руфин и Виб, а

также подчиненные им священнослужители. У этих соучастников Примоса незавидная судьба — осуждение за вероломство, «жалкая» или «позорнейшая» смерть (а. 552.1; 554.2; 555.1).

Среди единомышленников Виктора в «Хронике» прежде всего выделен Репарит Карфагенский, не давший согласия на осуждение «трех глав», за что был лишен должности, доходов и сослан. Дано описание его кончины — скупыми, но яркими красками (а. 552.1; 563.1). Похожими чертами обозначены судьбы также не предавших свои убеждения Верекунда Юнценского, Феликса Гилленского и подробнее — спутника Виктора по ссылке Феодора Кебарусцитанского (а. 552.1; 553.1; 555.2; 556.2; 557.2; 565; 567.2). Упомянуты Виктором и репрессированные африканские епископы Музик, Брумасий, Донат и Хрисоний (а. 565).

Таким образом, объекты симпатии и антипатии Виктора в Африке различаются по конфессиональному признаку — противники они или сторонники «трех глав». С одной стороны оказываются Примос и его единомышленники. С другой — сторонники линии Репарита. Примечательно, что Виктор не сообщает о каких-либо изуверствах по отношению к последним. Он упоминает только о собственных страданиях на Балеарских островах (а. 555.2).

Важный этап ссылки Виктора и Феодора — пребывание в Александрии, а затем в ее округе. Хронист делает акцент на непрерывном в течение 15 дней «обсуждении» дел, касающихся его и Феодора, устроенном местной канцелярией (а. 556.2). Через семь лет оба предстают вместе с некоторыми другими африканскими епископами перед Юстинианом и дискутируют с Евтихием Константинопольским (а. 565). Налицо попытки давления на ссыльных оппозиционеров со стороны светских властей, включая императора. Вероятно, епископам, не имеющим заметной поддержки в их диоцезах, такого внимания бы не уделялось. Факт размещения Виктора и некоторых его единомышленников в столичных обителях, где они были под контролем высших духовных и светских властей империи, подтверждает эту мысль.

При учете названных обстоятельств обратимся к основным темам «Хроники». В фиксируемых событиях церковной истории превалирует тематика, которую можно назвать антиеретической. Главные ее эпизоды связаны с борьбой за соблюдение решений Халкидонского собора. Но Виктора интересует не защита этих решений вообще. Хронист выделяет постановления, каким-либо образом связанные со спором о «трех главах». Сделано это следующим способом. Первый крупный эпизод «Хроники» — описание осуждения Евтихия и его учения. Кратко охарактеризовав основной тезис Евтихия, Виктор подчеркивает законность и авторитетность осуждения. Во втором крупном эпизоде — изложение основных для Виктора фактов Эфесского

собора (а. 447; 448). Факты эти имеют отрицательный для католиков заряд: торжество Диоскора Александрийского при поддержке «бунта монархов и свирепости солдат», оправдание Евтихия и осуждение его противников «нечестивым предписанием». Среди осужденных Виктор поименно называет лишь Флавиана Константинопольского, Евсевия Дорилейского, Феодорита Киррского и Иву Эдесского. Третий крупный эпизод — о Халкидонском соборе (а. 451; ср.: Isid. Chr. 381). Здесь автор акцентирует внимание на авторитетности, представительности его участников. О догматах — ни слова, только подчеркнуто признание положений первых трех вселенских соборов. Но специально отмечается осуждение второго Эфесского собора, Евтихия, Диоскора и Нестория, а также оправдание Евсевия Дорилейского, Феодорита Киррского и Ивы Эдесского. Итог деятельности Халкидонского собора: «Все потрясенное, что касается состояния церкви, было приведено в порядок и принимает определенные границы».

Итак, двое из трех епископов, причастных к «трем главам», Феодорит и Ива, специально отмечены хронистом как борцы за ортодоксию, вначале незаслуженно осужденные, но затем реабилитированные эпохальным церковным собранием. Их имена появляются при описании собора в столице, организованного антипатичным Виктору императором Анастасием (а. 499). Согласно хронисту, император склоняет собор предать анафеме прежде всего Диодора Тарского, Феодора Мопсуестского, Феодорита, Иву «и других» — вместе с «томосом» папы Льва и решениями Халкидонского собора. Данный акт, по логике Виктора, — не просто произвол нечестивца на троне. Важнее другое: Виктором создается мысль о преемственности между акциями Диоскора и Анастасия, так как объекты осуждения совпадают.

Правда, между описаниями событий 451 и 499 гг. много эпизодов, фиксирующих нападки разного рода еретиков и светских правителей на Халкидонский собор и его адептов. Но это — обвинения решений собора в целом и конкретных его поборников, епископов, являющихся конкретными конкурентами обвинителя-еретика (а. 457.3; 458.2; 460; 475.4—5; 477.1; 480). При Анастасии имеет место «разрушение православной веры и осуждение Халкидонского собора», «удаление православных епископов и наступление еретиков» (а. 510). Данный тезис «Хроники» подтверждается множеством фактов (а. 491.2; 492.1; 494; 496; 497; 501; 504; 506; 509). Фиксируемое Виктором нарастание активности противников Халкидонского собора делает для читателя собор 499 г. важным этапом этой активности²¹. Поэтому, когда при описании козней приверженцев императрицы Феодоры вновь появляются имена Ивы Эдесского, Феодора Мопсуестского и Феодорита Киррского (а. 542.1), читателю ясно: гонения на поборников «трех глав» восходят к анастасиевым и даже к диоскоровым порочным действиям. Последующее опи-

сание этих гонений лишь подтверждает такой вывод. Подобный прием позволяет Виктору изобразить преследование сторонников «трех глав» Юстинианом как политику, близкую к непризнанию Халкидонского собора. Вершиной такой политики изображен Константинопольский собор (а. 553.1), когда новоназначенные первосвященники ведущих кафедр ойкумены, осудив «трех глав» и их поборников, определили себе печальную судьбу.

Таким образом, материал церковной истории, детерминированный актуальной для хрониста, его единомышленников и противников проблемой «трех глав», превращается Виктором в важный инструмент для придания этой проблеме еще большего веса. Защита «трех глав» оказывается равноценной защите Халкидонского собора. Но, с другой стороны, формально церковные эпизоды оказываются связанными с другой темой сочинения, которая, как и антиеретическая, приобретает значение важнейшей, — темой взаимоотношения светской власти и церкви.

Светской внутривосточной истории в «Хронике» посвящены немногочисленные мелкие эпизоды, касающиеся смены престолов и — реже — мятежей и переворотов. При смене императоров указывается на продолжительность правления и изредка дается лапидарная оценка государя. Немного подробнее описаны некоторые события в Западной Римской империи: поражение Аттилы, гибель Аэция и Боэция, убийство Валентиниана III, «дурное правление» Максима, его гибель и взятие Рима вандалами, и, наконец, краткое правление Авита (а. 449; 454; 455; 456). После этих эпизодов объем информации о событиях светской истории Запада в «Хронике» резко сокращается. Воцарение и гибель Майориана, Анфимия, Геркулана, воцарения Севера, Олибрия, Непота лишь сухо констатированы (а. 458.1; 463.2; 467.2; 473.6, 7). Падение императорской власти на Западе Виктор не упоминает.

Подобное обращение с «западным» материалом может отчасти объясняться слабым взаимовлиянием с середины 50-х гг. V в. светской власти в Равенне и африканских элитарных групп. Следует также учитывать актуальность для Виктора ситуаций, связанных с реставрацией византино-римского господства в Африке, а также со спором о «трех главах», — ситуаций, связанных с правительством Юстиниана. Генетическая связь конфликтов по поводу «трех глав» с тринитарными спорами, борьбой вокруг решений собора 451 г. могла определить и преимущественное внимание хрониста к взаимоотношениям светских и церковных властей в коренных регионах Византии.

Виктор краток при описании правлений Маркиана, Льва I и Льва II, но более многословен при повествовании о событиях при Зиноне, который был коронован «вопреки обычаю», пытался убить своего сына — Льва II, благоволил к еретикам — епископам Александрии и Антиохии и вместе с ними уклонялся от католической веры (а. 474.2; 476.1; ср.: Isid. Chr. 387; а. 480;

482). Хронист не жалеет черных красок при описании действий императора Анастасия, специально отмечает, что неверие «отечества» Анастасия было давно известно, и поэтому епископ Евфимий взял с него письменное обещание «не делать ничего дурного против апостольской веры и Халкидонского собора» (а.491.1). Став императором, Анастасий расписку забирает и «жестоко неистовствует против епископов, поборников Халкидонского собора» (а.491.2). Далее следует серия эпизодов, подтверждающих этот тезис (а.494; 496; 499; 501; 506; 509; 517.2; 518.1).

Только через отношение к церкви представлены Виктором и внутривластные действия Юстина I (исключением является эпизод о подавлении выступления Амантия и сообщение о возвращении в столицу Виталиана). Юстин — ортодокс, поборник Халкидонского собора и активный борец с епископами-еретиками (а.518.2; 521.2; ср.: Isid. Chr. 394a; 524). Среди фактов его правления красной нитью проходит вполне светский сюжет о ступенях карьеры Юстиниана, будущего императора (а.518.2; 520.2; 525). В этом сюжете интересны два момента: во-первых, убийство Виталиана, «как говорят, приверженцами ...Юстиниана» (вина с Юстина за убийство как бы снимается); во-вторых, производство Юстиниана в цезари Юстином под давлением сенаторов (опять-таки Юстин подчиняется обстоятельствам; а.523.3; 525).

Указанные приемы оправдания Юстина одновременно содержат и критику в адрес Юстиниана, которая, однако, лишена прямолинейности (ср. с инвективами в адрес Зинона и Анастасия): Виталиан гибнет от рук сторонников цезаря, а не его самого. В эпизоде о назначении Юстиниана цезарем акцент Виктора на принуждении Юстина со стороны сенаторов понятен лишь при анализе критики хронистом Юстиниана-императора.

Юстиниан характеризуется в труде Виктора весьма противоречиво, как и в большинстве «историй» и хроник этого времени или написанных позже. Полемика вокруг «трех глав», тяжело отразившаяся на судьбе хрониста, безусловно, усилила негативные оценки в адрес императора. Но еще отрицательнее выглядит в «Хронике» императрица Феодора, на которой, считает Виктор, лежит основная ответственность за преследования поборников «трех глав». В самом деле, по приказанию Юстиниана четыре собора, в том числе и Халкидонский, объявлены «подлинными защитниками веры» (а.528) — факт в глазах Виктора, явно положительный. Но уже следующий эпизод повествует о навязывании «всем» приверженцами Феодоры монофиситского догмата (а.529). Таким образом, деяния императора и императрицы расчленены и даже противопоставлены. Император выпускает в свет труды «о воплощении господнем» и принуждает иллирийских епископов поддерживать их (а.536), а приверженцы Феодоры закрепляют столичный епископат за еви-

хианином Анфимом (а. 537). Император ссылает еретика Севера Антиохийского и Юлиана Галикарнасского, а Феодора лишает-ся причастия папы за покровительство упомянутому Анфиму (а. 539; 540).

Один из центральных эпизодов критики Феодоры — «которая никак не перестала быть тайным недругом Халкидонского собора с тех пор как начала править» — описание козней ее приверженцев в отношении пап и преследование адептов «трех глав» (а. 542.1). Юстиниан же, хотя и заставил папу Вигилия осудить «трех глав», был побужден к этому «мошенничеством акефалов» (а. 544.1). Ясно, что в церковной политике Юстиниана Виктор видит и положительные моменты²². Критика императора до фиксации смерти Феодоры смягчена, в то время как порицание действий императрицы ужесточается. Но констатация позитивных действий Юстиниана исчезает, когда повествование доходит до конца 40-х гг. VI в. Император принуждает первосвященников провинций осудить «трех глав», а Феодора — «недруг Халкидонского собора» — «неестественно» кончает свою жизнь (а. 548.1; 549.2). Далее, когда церковные события прямо связаны с именем Юстиниана, речь идет о конкретной чистке епископских кафедр и прочих постов в ущерб сторонникам «трех глав» (а. 551.1; 552.1—2; 553.1; 558.1; 565; 566.1). В этой группе фактов выделяется описание собора 553 г., где было проведено осуждение «трех глав» и сменены ведущие епископы²³. Следствием этого, согласно Виктору, было землетрясение, «расшатавшее до основания столицу» (а. 553). Фиксации смерти Юстиниана негативных характеристик в его адрес не сопутствует — в отличие от аналогичных эпизодов, связанных с Анастасием и Феодорой.

В то же время описание правления Юстиниана с 50-х гг. VI в. изобилует реалиями без упоминания императора, но с осуждением гонителей «трех глав» и порицанием практики замещения ими престолов сосланных епископов (а. 551.2; 552; 554.1—3; 555.1—2; 556; 557.1; 562; 563.1; 564.2), т. е. эти факты служат у Виктора для порицания аналогичных действий самого императора.

Надо отметить, что Виктор нигде не дает Юстиниану шаблонных отрицательных характеристик, избегает слов типа «гонитель» или «недруг». Между тем хронист и его ближайшие единомышленники пострадали, очевидно, после смерти Феодоры (а. 555.2). Вызвана ли была такая манера критики боязнью хрониста дальнейших репрессий или надеждой на амнистию? Напомним, что «Хроника» завершается 567 г., — фиксацией смерти Юстиниана и воцарения Юстина II (а. 567.1, 3). Указание на то, что последний воцарился «при спокойствии народа», примечательно. Похожая формула — «при согласии всего государства» — применяется в «Хронике» только при описании воцарения Маркиана, организатора Халкидонского собора (а. 450.3). Ко-

ронация Льва I просто констатируется, а воцарения «нечестивцев» Зинона и Анастасия описаны в соответствии с их антиортодоксальными деяниями. Исключение — Юстин I, но в сообщении о его воцарении акцент сделан на происхождении и правоте императора (а. 518.2). Может быть, Виктор сознательно сравнивал воцарения Юстина II и Маркиана, ожидая от первого продолжения церковной политики второго?

Тема отношений между светской и духовной властью в труде Виктора специфична еще одной гранью: взглядом хрониста на характер контактов между светскими правителями и римскими первосвященниками. Ни александрийский, ни кратко фактографируемые антиохийский и иерусалимский престолы такого внимания Виктора не привлекают. Правда, характеристики действий пап временами не прямолинейны. При описании осуждения Евтихия подчеркнуто, что осуждение подкрепил своим авторитетом папа Лев (а. 447). В кратком описании «разбойничьего собора» отмечено несогласие папских легатов с осуждением Флавиана и других ортодоксов (а. 448). Атила прекратил разорение империи и пошел на мир с ней после посольства папы Льва (а. 449). Из-за вмешательства Льва иногда воздерживался от эксцессов взявший Рим король Гензерик (а. 455). Лев, а потом Феликс борются против епископов-еретиков Евтихия, Диоскора, Петра Александрийского, Петра Антиохийского и Акакия Константинопольского (а. 459, 484, 487). При фиксации борьбы вокруг папского престола в конце V в. подчеркивается несоответствие между притязаниями и былыми поступками Лаврентия — кандидата в папы (а. 497.2).

Данный цикл сообщений, надо полагать, свидетельствует не просто о позитивных оценках, даваемых Виктором деятельности пап, смягчавших буйство варваров и защищавших халкидонские догмы. Последующие более подробные сообщения «Хроники» о папах раскрывают отношение Виктора к реставрации имперской власти в Африке и к характеру контактов между определенными группами африканской и византийской знати.

Хронист явно положительно относится к смещению епископа Анфима Константинопольского и лишению причастия императрицы Феодоры папой Агапитом (а. 540.1). Этот формально простой с позиции оценочных характеристик эпизод предшествует сложным по содержанию реалиям, связанным с понтификатом Вигилия, который становится папой после того, как из-за козней приверженцев Феодоры был сослан папа Сильверий²⁴. Виктор говорит, что Феодора перед рукоположением Вигилия добилась от него тайной расписки, что он публично осудит «трех глав». Антонина, приближенная Феодоры, также заставляет Вигилия признать ортодоксами некоторых епископов, давно осужденных папами за ересь. Далее приводится текст послания Вигилия этим прелатам: папа сообщает епископам-еретикам о своих успехах и просит, чтобы «никто не узнал того, что я вам

пишу, но скорее считал меня как бы подозрительным к мудрости вашей перед другими»²⁵. Из последующего контекста «Хроники» следует, что именно эти действия приверженцев Феодоры и Вигилия были началом бедствий сторонников «трех глав». Виктор называет эти события «началом всех зол» и после изложения письма папы не переминул зафиксировать «всеобщую глупость земного круга» и чуму, поразившую «лучшую часть народов» (а. 542). Но Вигилий, по Виктору, действовал во многом по принуждению. Так, Юстиниан заставил папу спешить в Константинополь и под контролем епископов-еретиков осудить «трех глав» (а. 544.1). Тем не менее далее Вигилий именуется за это двурушником (а. 557.1), и отлучение его африканскими епископами выглядит как справедливая кара (а. 550.1). Смерть Вигилия, по «Хронике», чуть ли не вызвана этим отлучением (а. 557.1). Но есть оговорка: несмотря на отлучение, папский престол за Вигилием «при раскаянии» сохранился (а. 550.1)²⁶. Виктор, таким образом, не прощает папе осуждения «трех глав», но критика здесь не имеет остроты антиеретических эпизодов «Хроники». Острота подобной критики еще ниже при описании аналогичных действий папы Пелагия: ранее защищавший «трех глав», он «по уверению» Юстиниана (опять нажим императора), возвращается из ссылки и, осудив «трех глав», «избирается двурушниками папой» (а. 558.1).

Ясно, что отношение определенных групп африкано-римской знати к современным Виктору папам было сложным. С одной стороны, согласно «Хронике», папский престол — один из авторитетнейших. Папа может решать и светские задачи (контакты Льва с Атилией и Гензериком), но важнейшей его задачей является борьба с ересями. Действия таких пап, как Вигилий и Пелагий, противоречат этой задаче. В «Хронике» есть явный намек: приоритет в вине за подобные дела имеет светская власть, правительство Юстиниана. Но папы также несут ответственность за потворство тем, кто осуждает «трех глав».

Сюжеты, посвященные папам, отражают взгляды Виктора на возможность самостоятельной, благотворной для мирян (и империи в целом) политики высшего духовенства. Подавление такой самостоятельности при Юстиниане вызывает резкое осуждение хрониста. Но африканская церковь давала Виктору в этом отношении, видимо, малорепрезентативный материал (судьба Репарита). Это, возможно, и было одной из причин более пристального внимания хрониста к папскому престолу.

Можно, таким образом, предположить, что «Хроника» Виктора Туннунского в своем социально-политическом аспекте отражала взгляды определенных групп церковной африканской верхушки VI в. Для этих групп характерна боязнь социальных и политических волнений, а заманчивой является политическая и идейная стабильность (разумеется, при господстве ортодоксии). Более того, во времена Виктора интересы африканского

епископата оказываются еще достаточно тесно переплетены с основными политическими акциями Константинополя в префектуре Африка. В то же время в «Хронике» отражено серьезное сопротивление провинциального епископата активному контролю над его деятельностью со стороны Константинополя. Думается, именно это прежде всего и фиксирует «Хроника», своеобразными средствами своего жанра критикуя юстиниановское преследование поборников «трех глав» и осторожно рекомендуя правительству Юстина II противоположную политику.

¹ Еще в конце XIX в. А. Вирт писал о «затхлом болоте христианской хронографии» (**Wirth A.** Aus orientalischen Chroniken. Frankfurt am Main. 1894. S. 111). Затем тон оценок в адрес этого жанра стал умереннее (См.: **Schanz M.** Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. München, 1959. Bd. 2. T. 4. S. 112).

² **Beck H.-G.** Zur byzantinischen «Mönchschronik» // Speculum historiale. Geschichte im Spiegel von Geschichtsschreibung und Geschichtsdeutung, hrsg. C. Bauer, L. Boehm, M. Müller. Freiburg; München, 1965. S. 188—197; **Van den Brinken A.-D.** Die lateinische Weltchronistik // Mensch und Weltgeschichte. Zur Geschichte der Universalgeschichtsschreibung, hrsg. A. Randa. Salzburg; München, 1969. S. 44 u. folg. **Newton R. R.** Medieval Chronicle and the Rotation of the Earth. Baltimore; London, 1972. P. 43—44; **Hunger H.** Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 252, 257 u. folg.; **Удальцова З. В.** Развитие исторической мысли // Культура Византии, IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 245.

³ См., напр.: **Сиротенко В. Т.** Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI вв. Ч. 1. Источники. Пермь, 1973. С. 111—112.

⁴ Обзор литературы см.: **Potthast A.** Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters bis 1500. Graz, 1954. Bd. 2. S. 1090—1091.

⁵ Локализация Туннуна или Тонненна весьма проблематична. Т. Моммзен предполагал, что городок находился невядалеке от Карфагена (См. его введение к изданию «Хроники»: MGH AA. XI. 2. P. 178—179). Далее ссылки на это издание (Victoris Tonnopensis chronicon) даются в тексте статьи без указания автора «Хроники», но с указанием ее соответствующего раздела — annus (a.).

⁶ Относительно спора о «трех главах» см.: **Amann E.** Trois Chapitres // DThC. Vol. 15. T. 2. Col. 1868—1924; **Devreese R.** Essai sur Théodore de Mopsuestie // Studi e Testi. Vatican. 1948. T. 141. Ch. VI—IX. P. 169—259; **Honigmann E.** Evêques et Evêchés monophysites d'Asie antérieure au Vie siècle // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Subsidia 2. Louvain, 1951. P. 142—143; **Stein E.** Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1959. T. 2. P. 623—690; **Frend W. H. C.** The Rise of the Monophysite Movement. Cambridge, 1972. P. 255—257; **Gerostrongios A. N.** The Religious Policy of Justinian I and his Religious Beliefs. Diss. Boston, 1974. P. 251—359 (в этом же издании см. литературу по вопросу).

⁷ См.: **Isidorus Hispalensis.** De viris illustribus // Von Dzialowski G. Isidor und Idelfons als Litterarhistoriker. Münster, 1898. Cap. 49, 50(38).

⁸ Принадлежность перу Виктора также и трактата «О раскаянии» (Migne PL. Vol. 17. Col. 1058) спорна. См.: **Mommisen Th.** Op. cit. P. 178.

⁹ Критику этого сообщения см.: **Holder-Egger O.** Victor von Tunnuna // Neues Archiv der Gesellschaft für älteste deutsche Geschichtskunden, 1876. Bd. 1. S. 298—299.

¹⁰ О следовании Виктором в счете лет не Просперу, а Дионисию см.: **Manitius M.** Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1965. Bd. 1. S. 215. Высокая оценка метода Виктора дана Р. Ньютоном (**Newton R. R.** Op. cit. P. 57).

¹¹ Ссылки на труды Исидора даны по изданию: *Isidori iunioris episcopi Hispalensis Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum ad DCXXIV*; *Idem. Chronica maiora* / Ed. Th. Mommsen // MGH AA. T. XI. 2. P. 241—303 далее — *Isid. Hist.*; 391—488 (далее — *Isid. Chr.*).

¹² Ср.: **Любарский Я. Н.** Михаил Пселл: Личность и творчество: К истории византийского предгуманизма. М., 1978. С. 197.

¹³ На смысловую цензуру, осуществляемую хронистом Феофаном Исповедником по отношению к источнику, и композиционное распределение материала как методы работы средневекового историографа пристальное внимание обратил И. С. Чичуров (См.: **Чичуров И. С.** Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской исторической традиции IV — начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1981 год. М., 1983. С. 20 и след.).

¹⁴ **Удальцова З. В.** Народные движения в Северной Африке при Юстиниане // ВВ, 1952. Т. 5. С. 33—37.

¹⁵ **Rubin B.** Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954. S. 528; **Tinnefeld F. H.** Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971. S. 19—20, 39—40.

¹⁶ Ср.: *Vict. Vit. Hist.* 1,3—4; 2,23—37; *Possidius. Vita s. Aug. Cap.* 28; *Greg. Tur. Hist.* II, 2,3; *Coll. Avell. Not.* 230—231.

¹⁷ Ср.: *Ferrandus. Vita s. Fulg.* 25—26; *Isid. Hist.* 82.

¹⁸ Ср.: **Saumagne C.** Le reconquete byzantine de l'Afrique // *Les Cahiers de Tunisie*. 1959. 7. P. 281—297.

¹⁹ Ср. принципиальную оценку взаимоотношений правительства Юстиниана и североафриканской церкви З. В. Удальцовой (**Удальцова З. В.** Народные движения. С. 18—19) и расплывчатую формулировку Р. Маркуса о «слабой благодарности» к Византии реставрированной Catholic church (**Markus R. A.** Reflections on religious dissent in North Africa in the Byzantine period // *Studies in Church History*. Leiden, 1966. Vol. 3. P. 140—150). К этой формулировке Р. Маркуса, по сути дела, присоединился В. Френд (**Frend W. H. C.** Old and New Rome in the Age of Justinian // *Baker. Relations between East and West in the Middle Ages*. Edinburgh, 1973. P. 24).

²⁰ **Julien Ch.-A.** Histoire de l'Afrique du Nord, Tunisie, Algérie, Maroc. P., 1956. T. 1. P. 269—270.

²¹ Об основных моментах антихалкидонской политики Анастасия см.: **Winkelmann F.** Die östliche Kirche in der Epoche der christologischen Auseinandersetzung. B., 1980. S. 99—101.

²² О существовании подобной тенденции в современной Юстиниану и Юстину II полемической литературе см.: **Constantelos D. J.** Justinian and the Three Chapters Controversy // *Greek Orthodox Theological Review*, 1962—1963. T. 8. P. 71—94.

²³ Об этом см.: **Gerostergios A. N.** Op. cit. P. 369—371.

²⁴ обстоятельное исследование источниковой ситуации дано: **Hildebrand P.** Die Absetzung des Papstes Silverius 537, eine quellenkritische Untersuchung // *Historisches Jahrbuch*, 1922. Bd. 42. S. 213—249.

²⁵ Подобное же письмо Вигилия приводит Либерат (**Liberatus.** *Breviarius*, 22 // *ACO*. T. II, 5. P. 136). О подложности этого письма см.: *Ibid.* P. 137 n. О прохалкидонской позиции Вигилия см.: **Amann E.** *Vigile* // *DThC*. T. 15, 2. Col. 3002.

²⁶ Подробнее см.: **Pewesin. W.** Imperium, Ecclesia universalis, Rom. Der Kampf der afrikanischen Kirche um die Mitte des 6. Jahrhunderts // *Forschungen zur Kirchen und Geistesgeschichte*. Stuttgart, 1937. Bd. 11. S. 139 u. folg. Подобные противоречивые суждения о Вигилии явно отражают сложность ситуации, в которой он оказался накануне пятого вселенского собора (Ср.: **Duchesne L.** *Vigile et Pelage* // *Revue des Quaestions Historiques*. 1884. T. 36. P. 418).